

В.В. Галкин (Санкт-Петербург)

БРОНЗОВАЯ ПИЩАЛЬ «ВОЖДЯ ВСЕХ МЕДВЕДЕЙ»: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ОРУДИЯ 1615 ГОДА ИЗ СОБРАНИЯ ВИМАИВиВС

В 1861 ГОДУ на страницах Артиллерийского журнала была опубликована статья Ф.Ф. Павленкова «О старых нарезных орудиях»¹. Работа эта была посвящена исследованию приоритета изобретения нарезных артиллерийских стволов. Автор изучил и описал образцы древней нарезной артиллерии, *«так долго остававшиеся забытыми в старом арсенале»*. Вероятно, именно тогда были впервые обнародованы данные об отечественных нарезных орудиях XVII–XVIII вв., хранившихся в Достопамятном зале. Тогда же было выявлено орудие, которому впоследствии будет присвоен статус древнейшей сохранившейся нарезной пищали.

Речь идет о бронзовом орудии 1615 г., ВИМАИВиВС МЧА 9/59, которое ныне находится в Фонде материальной части артиллерии Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВиВС). Это уникальный, во многих отношениях примечательный образец (ил. 1 и 2).

Бронзовый литой ствол длиной 155,6 см и весом 315,6 кг имеет сквозной канал калибром 69 мм с десятью полукруглыми винтовыми нарезами (ил. 3), делающими в канале $\frac{1}{4}$ оборота.

Ил. 1. Пищаль 1615 г. (ВИМАИВиВС МЧА 9/59), вид справа

Ил. 2. Пищаль 1615 г. (ВИМАИВиВС МЧА 9/59), вид сверху

Ил. 3. Дульный срез и нарезы
(ВИМАИВиВС МЧА 9/59)

Ил. 4. Торель и зарядная камера
(ВИМАИВиВС МЧА 9/59)

Ил. 5. Зарядная камера
(ВИМАИВиВС МЧА 9/59)

В казенной части канал расширяется, образуя цилиндрическую гладкостенную зарядную камеру (ил. 4, 5), запираемую поперечным призматическим клином, для которого в казенной части предусмотрено поперечное сквозное отверстие соответствующей формы*. Вокруг клинового отверстия на левой стороне ствола просверлено 8 круглых отверстий, служивших, вероятно, для фиксации

* Ф.Ф. Павленков пишет о том, что поперечное клиновое отверстие наглухо залито медью. В 1877 г. Н.Е. Бранденбург сообщает о том, что эта медная заливка была извлечена, дабы лучше изучить конструкцию камеры. Опись Артиллерийского музея 1882 г. свидетельствует, что извлеченная заливка хранилась вместе с орудием, ныне она утрачена.

клина. Клиновые отверстия слева и справа имеют разные размеры, при этом прорублены неаккуратно (ил. 6).

Длина нарезной части ствола 135 см, глубина и ширина нарезов неодинакова (ширина 6–9 мм, глубина 3–4 мм). В канале ствола, на расстоянии примерно одного калибра от камеры нанесена круговая нарезка, перпендикулярная нарезам канала, примерно той же глубины и ширины, что и нарезы.

Диаметр ствола в торельном поясе 27 см, диаметр ствола у дульного среза 17,5 см.

Ствол имеет цапфы и фигурные дельфины. На казенной части орудия три затравочных отверстия, два из которых заклепаны. По разные стороны от оригинальной запальной раковины имеются следы наличия в прошлом петель — на таких петлях, как правило, крепилась крышка запальной раковины.

Орудие богато украшено орнаментами: здесь и флористические мотивы, и маски, и мифические существа (антропоморфные крылатые фигуры женского пола, вместо нижних конечностей имеют переплетающиеся ветви растений с цветами и плодами), торель украшена орнаментом в виде листьев (ил. 7, 8).

Ил. 6. Казенная часть и отверстие для призматического клина (ВИМАИВиВС МЧА 9/59)

Ил. 7. Орнамент возле дульной части (ВИМАИВиВС МЧА 9/59)

Ил. 8. Орнамент перед дельфинами
(ВИМАИВиВС МЧА 9/59)

Ил. 9. Герб Московского
государства на казенной
части пищали
(ВИМАИВиВС МЧА 9/59)

На казенной части орудия, позади дельфинов, изображен герб Московского государства (двуглавый орел без скипетра и державы с тремя коронами и щитом на груди; на щите изображен всадник, поражающий копьем крылатого змея) (ил. 9), чуть ниже, по разные стороны герба, обозначен год отливки — 1615, а на торельном поясе, кругом ство-

ла, надпись на латинском языке «MAGNO DOMINI TZARI ET MAGNO DVCI MICHAELI FOEDROWITS OMNIVM VRSORVM». Надпись эту можно было бы перевести как официальный титул московского государя в дательном падеже «Великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всея Руси», если бы не орфографическая ошибка в последнем слове: вместо «OMNIVM VRSORVM» — «всея Руси», на стволе красуется «OMNIVM VRSORVM» — «всех медведей»* (ил. 10).

* Ф.Ф. Павленков переводит надпись не как официальный титул, а дословно: «Великому господину царю и великому предводителю всех медведей Михаилу Федоровичу»; ту же неточность допускает в 1877 г. и Н.Е. Бранденбург. В последующей историографии, как правило, перевод надписи представлен именно в таком виде.

Помимо литых надписей и изображений имеются чеканные надписи. На торельном поясе указан вес — «19 пу[дов] 10 фу[нтов]», на торце правой цапфы указан другой вес — «20 пу[дов] 5 фу[нтов]». На дульном срезе, вероятно, указание калибра «2 ½ [фунта?]». Возле одного из затравочных отверстий чеканная буква «В», рядом с гербом чеканный инвентарный номер, относящийся, судя по всему, к первой половине XX в.: «358», на торели чеканная надпись — вероятно, также один из прежних инвентарных номеров: «№ 47».

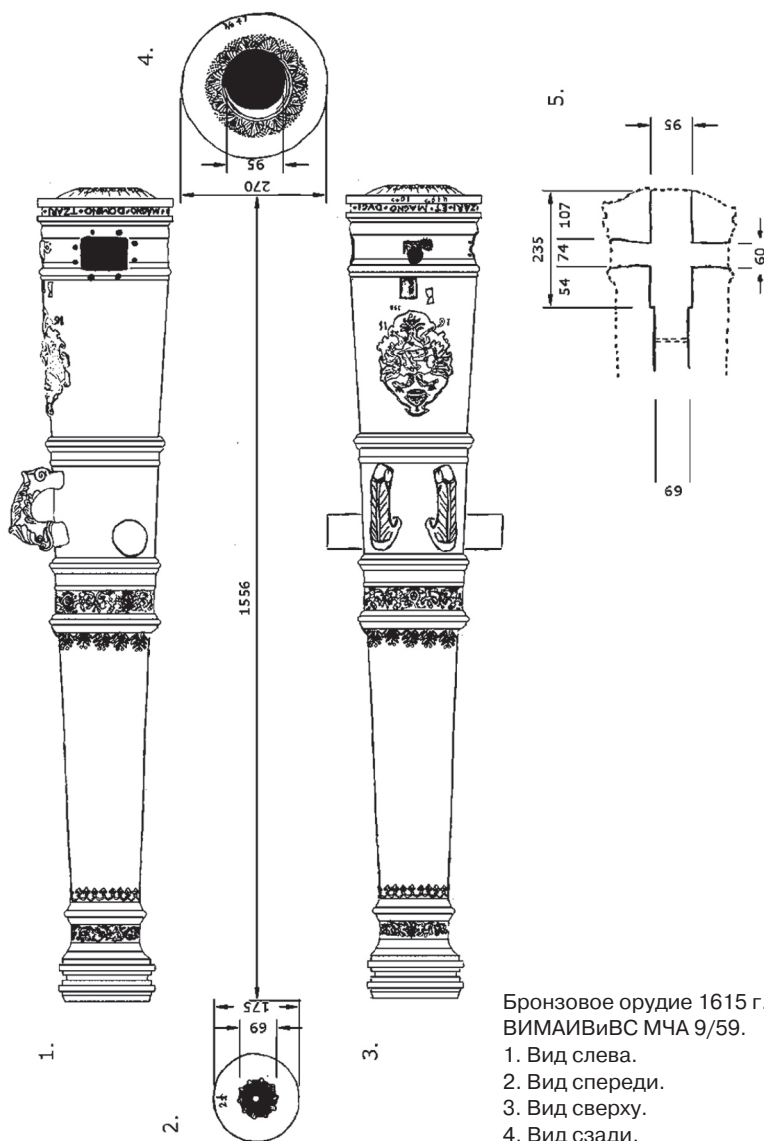
Ил. 10. Часть надписи на торельном поясе (ВИМАИВиВС МЧА 9/59)

На стволе имеется множество царапин и прочих дефектов, полученных, вероятно, в процессе эксплуатации, особенно много повреждений расположено в казенной части.

Орудие поступило на хранение в Достопамятный зал в 1778 г. (см. чертеж 1).

Таким образом, в 1861 г. перед Ф.Ф. Павленковым предстало орудие, с одной стороны, идентифицированное им как древнейшее нарезное, а с другой стороны, имеющее весьма неоднозначную латинскую надпись, затрудняющую его атрибуцию. Наличие государственного герба и посвящения московскому царю позволяло бы атрибутировать орудие как отечественное, однако выполнение надписи на латинском языке делало справедливым предположение о том, что орудие могло быть подарком *«иностранной державы»*.

Для работы, главный вопрос которой был сформулирован фразой — *«Кому же принадлежит честь инициативы в деле нарезных орудий?»*², такая неопределенность была неуместна. Поэтому Ф.Ф. Павленков предложил свою аргументацию в пользу того, что орудие было создано отечественными мастерами. Доказательство опирается исключительно на факт наличия курьезной ошибки, и логика весьма проста: есть вероятность, что ошибку *«по малой грамотности и плохому знанию латинского*

Бронзовое орудие 1615 г.
ВИМАИВиВС МЧА 9/59.

1. Вид слева.
2. Вид спереди.
3. Вид сверху.
4. Вид сзади.

Казенная часть орудия
в разрезе.

Чертеж автора

языка» допустил русский мастер, и в таком случае *«очень может быть, что отливка этого орудия принадлежит нам, и тогда честь инициативы в деле изобретения орудийных нарезов будет нашею полною и нераздельною собственностью, если только не найдется в других европейских арсеналах и музеумах подобных же орудий, относящихся к более раннему времени»*³. При этом автор несколько раз подчеркивает, что выдвинутая гипотеза — не более чем предположение, и вопрос остается открытым.

В общем и целом аргументацию Ф.Ф. Павленкова в 1877 г. повторяет Н.Е. Бранденбург на страницах Каталога Артиллерийского музея: «Дело может объясняться проще, если на описываемый экземпляр взглянуть как на наше собственное домашнее произведение: полуграмотный мастер, желая блеснуть ученостью, украсил его посвящением на латинском языке, не разобрав или не доглядев своей ошибки, придавшей всей надписи весьма колкий смысл. ...В пользу подобного предположения может служить и то, что сами нарезные орудия в Европе являются, как известно, значительно позже»⁴.

Современному специалисту подобные доводы могут показаться спорными и недостаточными. Да и сам Н.Е. Бранденбург понимал, что проведенного анализа явно мало для того, чтобы поставить точку в вопросе происхождения занятого ствола: *«...все это одни догадки, более или менее вероятные, но не разрешающие фактически самого дела»*⁵.

К чести Ф.Ф. Павленкова и Н.Е. Бранденбурга следует отметить, что они как исследователи добросовестные избегают прямых утверждений и не делают определенных выводов в вопросе, не изученном ими системно и комплексно, повсеместно оговаривая, что сформулированные положения являются не более чем догадками.

Происхождение орудия — не единственный вопрос, занимавший обоих исследователей. Обращаются они и к конструктивным особенностям зарядной каморы. Оба отмечают, что размеры зарядной каморы ограничены, *«заряд вместе со снарядом поместиться в ней не могут»*⁶, из чего следует логичное предположение: снаряд мог иметь выступы и помещался в стволе перед каморой, а возможно, даже имел мягкую кольцеобразную оболочку, останавливающуюся перед нарезам. Однако оба варианта требуют удовлетворения главного условия: снаряд в таком случае должен был иметь продолговатую форму. Однако этому

противоречит *«довольно прочно утвердившееся мнение, что история последних [продолговатых снарядов] не заходит в такое раннее время»*⁷. Допускают авторы и иной вариант конструкции, при котором снаряд имел сферическую форму, но заряд в таком случае помещался в специальном углублении в самом запирающем клине. Здесь, как и в случае с рассуждениями о происхождении орудия, имеют место оговорки о том, что на данном этапе изучения пищаля делаются лишь предположения.

Оба автора выдвигают догадку о том, что пицаль применялась в боях — на это указывает тот факт, что имеются три запальных отверстия, два из которых заклепаны. Помимо прочего, по мнению Н.Е. Бранденбурга, сплошная заливка медью поперечного клинового отверстия является следствием переделки орудия в заряжаемое через дуло.

К достоинствам работы Ф.Ф. Павленкова следует отнести также наличие подробных чертежей всех описанных им орудий, включая и бронзовую пицаль 1615 г. На чертеже корректно переданы пропорции и конструктивные особенности орудия, однако декоративные особенности, орнаменты и даже государственный герб — весьма условно.

Н.Е. Бранденбург упоминает орудие в еще одной, более поздней, своей работе, посвященной 500-летию русской артиллерии⁸. Сегодня мы бы назвали подобный текст научно-популярным очерком. Этот жанр не требовал от автора излишней детализации, скрупулезности при описании отдельных образцов древнего вооружения, а также не предполагал пространных рассуждений и допущений. Упоминание здесь орудия 1615 г. отличается краткостью и конкретикой. Нельзя назвать развернутым и упоминание орудия в очерке истории артиллерии, посвященном 100-летию Главного артиллерийского управления (ГАУ), опубликованном в 1902 г.⁹ Целесообразно процитировать здесь эти публикации, поскольку, как будет показано далее, их формулировки оказали значительное влияние на последующую историографию пищаля. Влияние, пожалуй, большее, чем исходные научные тексты Ф.Ф. Павленкова и Н.Е. Бранденбурга.

1889 г.: «Что касается до другого памятника, то он представляет еще больший интерес для истории русской артиллерийской техники и, в частном случае, — нарезных заряжающихся с казенной части орудий, так как несомненно свидетельствует о знакомстве наших предков с подобной системой и при том

значительно ранее, чем в Западной Европе. Наш экземпляр представляет бронзовую пищаль 3-дм. калибра, имеющую 10 крупных спиральных нарезов и заряжающуюся с казенной части, при чем закрывание последней производится посредством клина, помещающегося в специальном клиновом отверстии. На орудии вылиты: год — 1615, посвящение (на лат. языке) Царю Михаилу Федоровичу и русский государственный герб, так что оно является на целое полустолетие опередившим все древнейшие образцы нарезных орудий в Западной Европе, не восходящие ранее конца XVII столетия»¹⁰.

Практически идентичен по смысловой нагрузке и ряду формулировок текст описания орудия в изданном в 1902 г. «Очерке истории Главного артиллерийского управления»: «В том же музее (имеется в виду Музей артиллерии. — *Авт.*) находится пищаль 3-дюймового калибра, имеющая 10 крупных спиральных нарезов в канале, заряжающаяся с казенной части, причем запираение последней производилось посредством клина, помещавшегося в поперечном клиновом отверстии. На орудии помещены: год — 1615, государственный герб и посвящение на латинском языке Царю Михаилу Федоровичу; обстоятельство, указывающее на русское происхождение этого ценного памятника. Принимая во внимание, что в Западной Европе нарезные орудия стали известны только в конце XVII столетия, следует заключить, что в разрешении этого вопроса русская артиллерия шла на полустолетие вперед»¹¹. В этом же издании можно увидеть фотографию пищали 1615 г., позже эта фотография будет помещена на страницах «Военной энциклопедии» 1911–1915 гг.¹²

В приведенных выдержках можно выделить несколько основных смысловых компонентов и их деталей:

1. Факт наличия орудия и его характеристики: калибр 3 дюйма, нарезное (при этом указывается число нарезов в канале — 10), заряжается с казны, запирающейся посредством поперечного клина.

2. Отдельно указано наличие надписей и изображений: 1615 г., русский государственный герб и посвящение царю Михаилу Федоровичу на латинском языке (причем во втором случае этот факт «указывает» на русское происхождение орудия).

3. Вывод о том, что отечественная артиллерия шла впереди Западной Европы в вопросе создания первых нарезных артиллерийских орудий. При этом в обоих случаях говорится о «*полустолетии*» опережения.

О ценности орудия говорит тот факт, что в **1900** г. оно было отобрано Н.Е. Бранденбургом в числе прочих экспонатов музея для Всемирной выставки в Париже. Упоминание пищали встречаем на страницах описания российского представительства на выставке: «Медное орудие, нарезное, заряжающееся с казенной части, XVII столетия. Орудие это является наиболее древним из всех известных нарезных орудий, заряжающихся с казенной части»¹³.

Другое упоминание пищали встречаем в «Военной энциклопедии». Приведенные в ней сведения указывают на то, что источником данных послужило научное описание 1877 г. В этом тексте интересную интерпретацию получили доводы Н.Е. Бранденбурга о происхождении орудия. Вначале приводится текст надписи, указывается на курьезную ошибку, а далее делается вывод: «...предполагать, что это — шуточное посвящение подарка от какого-нибудь государя Зап. Европы нельзя, т. к. на западе еще не были известны в то время нарезные орудия»¹⁴.

Энциклопедический формат требует краткости и конкретики. В силу законов жанра энциклопедический словарь не может оперировать гипотезами и допущениями. Судя по всему, именно после этой публикации создание древнейшего нарезного орудия на Руси в 1615 г. окончательно стало историческим (даже более — энциклопедическим) фактом.

Особняком в дореволюционной историографии стоит упоминание орудия 1615 г. в фундаментальном труде А.А. Нилуса «История материальной части артиллерии» (**1904**). Оно не дает каких-либо новых сведений, указываются метрические данные, приведенные Н.Е. Бранденбургом, и резюмируется: «Экземпляр имеет редкое археологическое, но никакого практического значения, так как очевидно представляет собою, как и несколько других ей подобных, лишь исключительный, а не нормальный образец — слишком преждевременную выдумку досужего мастера, напоминающую “винтовальные карабины” С. Реми и немецкие нарезные орудия, помещенные в “Quellen zur Geschichte”». Кроме того, в переводе надписи, данном А.А. Нилусом, «*предводитель всех медведей*»* превращается в «*вождя всех медведей*», что вполне корректно с точки зрения грамматики латинского языка и, безусловно, более звучно. Здесь автора вообще

* Так у Ф.Ф. Павленкова и Н.Е. Бранденбурга.

не беспокоит вопрос о происхождении орудия, поскольку он скептически смотрит на подобные артефакты, «опережающие» ход истории¹⁵.

Большая же часть последующей историографии орудия 1615 г., судя по представляемым в ней фактам, опирается на краткие упоминания в «Очерке истории ГАУ» и очерке к 500-летию русской артиллерии. Собственно, историографией это можно назвать с большой натяжкой, чаще всего это краткие упоминания в научно-популярной литературе, однако, необходимо дать общий обзор того, как описание орудия Ф.Ф. Павленковым и Н.Е. Бранденбургом, лишенное более поздними исследователями деталей и анализа, превратилось в источник не только исторического факта, но и мифов.

В первую очередь следует отметить то, что пищаль благополучно пережила события Гражданской войны и уже в 1930-е гг. ее можно было увидеть на экспозиции музея. Путеводитель по Ленинграду **1930** г. называет ее среди наиболее интересных экспонатов Музея артиллерии, при этом помещая в хронологическом списке вторым номером: между железными пищалями XIV в. и парадными пищалями XVII в. Из этого можно вывести предположение, что орудие 1615 г. воспринималось чуть ли не как важнейший экспонат среди предметов XV — начала XVII вв.

Одно из первых упоминаний пищали 1615 г. в советский период появляется в очерке Е. Болтина «Первые русские артиллеристы», опубликованном в сборнике статей «Артиллеристы» в **1939** г.:

«Уже в 1615 году неизвестным русским мастером была построена бронзовая пищаль, имевшая клиновидный затвор — предшественник принятых теперь во всех армиях затворов. Эта пищаль, сохранившаяся поныне, имеет на стенках канала ствола 10 спиральных нарезов и заряжается с казенной части. В Западной Европе подобное орудие с нарезами изготовили только к концу XVII века, — стало быть, русская техническая мысль опередила в этом случае заграничную по крайней мере на полстолетия. Что же касается клинового затвора, то он в Европе появился значительно позже»¹⁶.

Как видим, из описания выпал структурный компонент текстов образца 1889 и 1902 гг., посвященный изображению герба и наличию надписи. А это, между прочим, основной факт, на котором изначально строились выводы о происхождении орудия.

С другой стороны, перечень фактических данных и сохранившиеся «полстолетия» опережения позволяют говорить о сохранении преемственности текста.

Упрощенный вариант упоминания встречаем у Н.Г. Павленко в 1940 г.: «В артиллерийском музее РККА сохранилось несколько замечательных экземпляров нарезной “винтовальной” артиллерии (среди них находится пищаль, отлитая в 1615 г.). Подобные нарезные орудия на Западе появились спустя 50 лет, т. е. в конце XVII столетия»¹⁷. Как правило, связь таких упоминаний с текстами 1889 и 1902 гг. можно установить по маркерам: не позаимствовав деталей описания предмета, автор позаимствовал деталь выводов — 50 лет опережения русской артиллерией артиллерии Западной Европы.

Своеобразное восхождение к научным первоисточникам фиксируется в работе В.В. Данилевского «Русская техника» (1949). Об этом говорит развернутое рассуждение о грамотности древнего мастера, а также упоминание трех заклепанных запальных отверстий:

«В Артиллерийском историческом музее в Ленинграде хранятся древние пушки, вносящие ясность в этот спорный вопрос. Здесь хранится медная пушка с нанесенными на ней при отливке датой — 1615 г. и надписью на латинском языке, точный перевод которой гласит: “Великому господину царю и великому предводителю Михаилу Федоровичу всех медведей”.

Русский пушкар, отливавший пушку, силен был своим мастерством, но не силен в латыни и назвал царя не предводителем “всех русских” (russorum), а предводителем “всех медведей” (ursorum). Самая эта ошибка исключает возможность поступления из-за рубежа пушки со столь издевательски звучащей надписью. А о мастерстве ее творца говорит то, что это — казнозарядная нарезная пушка, имевшая клиновый затвор. В канале пушки десять винтовых нарезов. Из трех запалов два заклепаны — эта нарезная пушка бывала в боях»¹⁸.

Однако и здесь мы видим, как аргументация Ф.Ф. Павленкова и Н.Е. Бранденбурга, построенная на допущениях и догадках, трансформируется в систему утверждений. Взять, к примеру, предположение о причине наличия трех запальных отверстий, два из которых заклепаны. У Н.Е. Бранденбурга: «...*обстоятельство, указывающее на его боевую практику*», у В.В. Данилевского: «...*эта нарезная пушка бывала в боях*».

Ближе остальных к текстам 1889 и 1902 гг. — работа Н.И. Фальковского «Москва в истории техники» (1950):

«Другая бронзовая пищаль, калибром в 3 дюйма, с 10 крупными спиральными нарезами, делающими четверть оборота канала, для закрепления казенника имеет клин, входящий в сквозное горизонтальное отверстие. Так как на орудии отлиты русский государственный герб, посвящение царю Михаилу Федоровичу и год (1615), то это совершенно бесспорно устанавливает мировой приоритет Москвы в изготовлении нарезных казнозарядных орудий. В Западной Европе самые древние из них появились только в конце XVII века»¹⁹.

Безусловно, здесь повторены пояснения дореволюционных исследователей, примечательно то, что *«обстоятельство, указывающее на русское происхождение» (1902)* трансформируется в: *«...совершенно бесспорно устанавливает мировой приоритет Москвы»*. Вместе с тем, из ряда фактов об орудии исчезает тот, что посвящение выполнено на латинском языке.

С другой стороны, в отличие от упоминаний 1889 и 1902 гг., есть дополнение, что нарезы делают *«четверть оборота канала»*, что может говорить о том, что автор был знаком с исходными научными текстами, а возможно, видел предмет и его описание в музее. Что интересно, он делает примечание: ныне пищаль находится в зале № 1 Музея артиллерии в Ленинграде²⁰.

Это указание достоверно. Пищаль 1615 г. описана как минимум в трех путеводителях по музею, изданных в 1950-е гг.²¹, причем в одном из них можно увидеть орудие на фотографии экспозиции — оно располагается за мортирой 1605 г. (так называемой мортирой Самозванца)²². В этих книгах орудию отведена роль одного из важнейших среди экспериментальных орудий допетровской эпохи. И это один из ключевых предметов экспозиции. Однако, тогда же, в 50-е гг. отношение исследователей к орудию в корне меняется.

Сложно сказать, кто и когда впервые усомнился в доводах Ф.Ф. Павленкова и Н.Е. Бранденбурга, однако в материалах архива ВИМАИВиВС содержатся указания на то, что уже в начале 50-х гг. в рядах научных сотрудников музея велись оживленные споры о пищали 1615 г. В архиве музея хранится дело с пометкой «Материалы о пищали 1615 г.», документы которого охватывают период с конца 1950-го и до конца 1951 г. Большая часть документов этой папки объемом в 305 страниц (преимущественно

машинописных) представляет собой стенограммы заседаний ученого совета музея, на которых велась дискуссия об оружии²³.

Как следует из материалов дела, 10 ноября 1950 г. состоялось заседание ученого совета, на повестке которого был вопрос о пищали 1615 г. Причина, которая побудила руководство музея дать ход обсуждению вопроса — требование части научного коллектива снять оружие с постоянной экспозиции и перевести на закрытое хранение. Требование это опиралось на два ключевых пункта:

1. Догадки Н.Е. Бранденбурга о происхождении оружия 1615 г. не подкреплены весомыми аргументами, ряд признаков указывает на то, что пищаля могла быть изготовлена в другой стране. При этом *«ясно, что она может быть на нашей экспозиции только в том случае, если она русская»*.

2. Ряд особенностей конструкции указывает на то, что оружие переделывалось, поэтому есть основания сомневаться в том, что изначально оно было нарезным.

На первом совещании выдвигались самые разные доводы, однако участники дискуссии констатировали, что оружие исследовано недостаточно и, по сути, единственные материалы, на которые опираются все докладчики — это сам музейный экспонат и характеристика, данная ему Н.Е. Бранденбургом.

Группу сотрудников, сомневавшихся в достоверности сведений о пищали 1615 г., на заседании представлял старший научный сотрудник инженер-полковник К.Е. Дмитраков. Общим решением заседания ему было поручено начать детальную проработку вопроса и поиск источников, которые смогут вывести обсуждение на более высокий предметный уровень. Вместе с тем, было принято решение оставить оружие на экспозиции до тех пор, пока сомнения не будут подкреплены вескими доводами. Изучение пищали было обозначено как одно из приоритетных направлений научной работы музея в 1951 г.

В определенный момент в дискуссию были вовлечены руководители Академии артиллерийских наук (ААН). В архиве музея сохранилось, в частности, письмо от 30 июля 1951 г. академика-секретаря 7-го отделения ААН генерал-лейтенанта артиллерии Четкова, которым предписывалось снять пищаля 1615 г. с экспозиции до окончания изысканий К.Е. Дмитракова, а также запрашивалось предоставлять отдельные сведения в печать без разрешения 7-го отделения ААН. Вместе с этим письмом хранится другое, разрешающее временно оставить оружие на экспозиции²⁴.

Изыскания К.Е. Дмитрикова длились более года, за это время вопрос о пищалях поднимался на научных советах еще несколько раз, причем к обсуждению привлекались и сторонние исследователи, в том числе лингвисты, анализировавшие надпись.

В декабре 1951 г. в течение двух (!) дней было проведено собрание, на котором были представлены итоги работы К.Е. Дмитрикова. Он предложил рассмотреть несколько письменных источников XVII и XVIII вв., опираясь на которые он делал вывод о том, что оружие является подарком иностранной державы. Изначально оно не было нарезным и казнозарядным, а переделано в XVIII в. Участниками дискуссии было признано, что К.Е. Дмитрикову, несмотря на привлечение новых данных, не удалось подкрепить эти положения весомыми доводами.

Более того, этот исследователь допустил серьезную оплошность, которая настроила многих участников дискуссии против него, а также дала его оппонентам серьезный козырь. В своих выводах К.Е. Дмитриков говорил о том, что судя по всему пищаля 1615 г. была подарена Михаилу Федоровичу шведами. Этот довод встретил достаточно бурную реакцию и возражения — в 1615 г. шведский король Густав II Адольф вел войну с Россией и осаждал Псков, а соответственно, предположение ошибочно, а сам К.Е. Дмитриков некомпетентен...

Постановлением собрания сотрудников музея К.Е. Дмитриков был осужден за *«стремление опорочить пищаля 1615 г.»*, его методы признаны *«антипатриотическими и антинаучными»*. Возможно, именно этот эпизод стал причиной того, что в 1952 г. он был переведен из музея на службу в Тамбов на должность начальника опытно-исследовательской части Артиллерийского технического училища. Вопрос о происхождении пищаля оставался открытым, дискуссия продолжалась.

Мы не можем пока детально реконструировать дальнейший ход дискуссии, проходившей в стенах музея. При этом следует подчеркнуть, что руководство музея требовало не выносить дискуссию на широкую публику и на страницы научной печати. Однако, опираясь на ряд косвенных свидетельств, можно предположить, что в ходе дискуссии произошло своеобразное развенчание статуса «первой нарезной пищаля».

В 1959 г. выходит в свет первая книга многотомного издания «История отечественной артиллерии», пожалуй крупнейшего на сегодняшний день обобщающего исследования как материальной

части, так и боевого применения русской артиллерии. К работе над изданием привлекались и сотрудники АИМ. О масштабе проделанной авторами работы говорит не только размах исследования, но и глубина проработки каждой отдельной темы. Свидетельство этому можем найти и в том, как авторами были пересмотрены устоявшиеся взгляды на хронологию возникновения в России нарезной артиллерии и на орудие 1615 г. в частности.

Раздел, посвященный опытам по созданию нарезных орудий в XVII в., открывает следующая фраза: «Задача повышения дальности и точности стрельбы решалась путем создания нарезных орудий. Если в XVI в. этому было положено только робкое начало, то в XVII в. уже были разработаны и изготовлены довольно совершенные для этого времени образцы нарезных артиллерийских орудий.

Первые достоверные сведения о наличии в России таких образцов артиллерийских орудий относятся к началу 60-х годов XVII в.»²⁵

Из этого утверждения вытекает вывод — авторы не считают орудие 1615 г. источником «*достоверных сведений*». Можно было бы предположить, что это орудие каким-то образом выпало из поля зрения авторов, но далее, в одном из примечаний, дается пояснение: «В Артиллерийском музее в Ленинграде хранится интересный экземпляр нарезных орудий — пищаль 1615 г. Она имеет 10 полукруглых нарезов глубиной 0,2 дм и шириной 0,9 дм, которые идут справа налево и делают в стволе 0,25 оборота. Ряд признаков, хорошо сохранившихся на пищали (следы наличия винграда, заклепанные запальные отверстия, грубо вырубленное отверстие в казенной части для клина и др.), заставляют предполагать, что первоначально пищаль эта была с глухой казней и без нарезов и что только позднее она была переделана в казнозарядную нарезную. Установить время этой переделки до сих пор не удалось»²⁶.

Что касается вопроса о происхождении орудия, то он либо не был решен в 50-е гг., либо было обосновано положение о том, что орудие изготовлено за границей. В вышедшем в 1961 г. «Каталоге материальной части отечественной артиллерии АИМ» орудие 1615 г. вообще не упомянуто²⁷.

На данный момент мы не можем говорить определенно, произошло ли обоснованное понижение статуса предмета или вопрос был оставлен открытым и нуждающимся в дополнительной

проработке, однако во второй половине 50-х гг. пищаль 1615 г. была выведена с постоянной экспозиции.

На рубеже 50-х — 60-х гг. происходит крупномасштабная реструктуризация музея, появляются новые тематические экспозиции, посвященные, в частности, послевоенному периоду. В жертву хронологическому расширению приносится часть экспозиции, повествовавшей о вооружении «эпохи феодализма». В путеводителях 50-х гг. показано, что этому периоду было посвящено два зала музея: № 1 и № 2, однако уже в 1964 г. все предметы этой эпохи были сосредоточены в зале № 1²⁸.

Вместить в одном зале все предметы было физически невозможно, поэтому многие экспонаты были выведены за пределы экспозиции зала № 1: на улицу или в фонды. Наиболее крупногабаритные (в частности, несколько стенобитных пищалей Андрея Чохова) были перемещены на внешнюю экспозицию, в то время как знаменитая пищаль 1615 г., одна из любимиц Н.Е. Бранденбурга, в 1900 г. свидетельствовавшая на Всемирной выставке в Париже о технологическом превосходстве древней русской артиллерии, оказалась на закрытом хранении Фонда материальной части артиллерии. Примечательно, что в фондовом формуляре орудия, составленном в 1946 г., позже была перечеркнута пометка «Первый».

В 1960-е гг. орудие не публикуется ни в одном путеводителе по музею²⁹, сводятся к минимуму упоминания о нем в научной и научно-популярной литературе. Можно сказать, что пищаль была в какой-то степени забыта и сотрудниками музея. Сегодня для молодых коллег наличие такого орудия в коллекции становится открытием.

Тем не менее, факт существования древнейшего отечественного нарезного орудия оказался востребован в историографии современной России. Понижение (или сомнение в его достоверности) статуса орудия в середине XX в. не помешало «сведениям» о первой нарезной пищали переключаться на страницы различных изданий.

Большая часть сегодняшних упоминаний об орудии 1615 г. опирается на формулировки публикаций 1939, 1940 и 1950 гг., авторы доводят их до определенного уровня совершенства. В рамках данного исследования не представляется возможным процитировать все имеющиеся упоминания орудия, хотя, безусловно, каждое из них представляет ценность с точки зрения исследования

эволюции текста. По большому счету «путь развития» формулировок можно изобразить в виде дерева, в котором каждая новая ветка-цитата представляет собой лишь слегка видоизмененную предшественницу. Генеральная же линия в этой эволюции текста представляет собой оптимизацию и упрощение текста вкуче с адаптацией стилистики к речевой моде своего времени.

Среди современных упоминаний орудия 1615 г. в литературе по истории артиллерии можно указать несколько характерных образцов, определенно повторяющих с некоторыми видоизменениями тексты первой половины XX в.

«В Артиллерийском историческом музее хранятся нарезные орудия, изготовленные русскими мастерами еще в XVI и XVII вв. Некоторые из этих орудий заряжались не с дульной, а с казенной части. Для запирания канала ствола от прорыва пороховых газов назад у них были сделаны особые устройства — затворы. У нарезной пищали был сделан винтовой затвор, а у пищали 1615 г., имеющей 10 полукруглых спиральных нарезов, — клинковой. Следовательно, русские пушки знали о выгодах нарезных орудий намного раньше “изобретения” их иностранцами»³⁰. Здесь видны основные маркеры, отмеченные в анализе формулировок 1889 и 1902 гг., в то же время заметны вкрапления и из других источников, лексика претерпела ряд изменений.

В формулировке из другого исследования факт наличия артефакта вообще не важен, имеет значение только «определенность» первенства: «Так, например, русским мастерам принадлежит идея заряжания артиллерийских орудий с казенной части, и в России первые образцы нарезных артиллерийских орудий появились в 1615 г., в то время как появление артиллерийских орудий подобного типа в Западной Европе произошло не ранее конца XVII в.»³¹

Из научных и научно-популярных изданий сведения о «древнейшем» нарезном орудии закономерно «просочились» и на страницы современной учебной литературы. «В 1615 г. русский мастер изготовил первую пушку с винтовой нарезкой»³² — эта формулировка обнаружена в одном из современных учебных пособий. Здесь коротко и емко зафиксирован псевдофакт — русский мастер в 1615 г. отлил первую нарезную пушку. Не древнейшую датированную, не наиболее раннюю из известных и не древнейшую из сохранившихся, а именно первую. Наиболее ранняя публикация, содержащая эту формулировку, относится

к 1989 г. В подобном виде упоминания орудия 1615 г. встречаются и во многих справочных изданиях, и на Интернет-ресурсах*.

Отдельно следует упомянуть о наличии «апокрифов» (преимущественно в научно-популярных изданиях сомнительного качества), в которых исходные данные подвергаются искажению, вплоть до самой сути «факта». Одной из характерных тенденций здесь является перенос утверждения о создании в 1615 г. первого нарезного артиллерийского орудия на огнестрельное оружие вообще. Можно привести следующий пример: «Впервые нарезные каналы стволов появились у русских оружейников. Еще в 1615 г. они изготовили медную пищаль с десятью винтовыми желобками в канале ствола. Это и была первая винтовка. За границей винтовки появились 15 лет спустя»³³.

В качестве примера миграции искаженного факта в достойный, в целом, текст можно привести выдержку из описания вооружения гарнизона Белоярской крепости со страницы проекта музеефикации этого памятника: «Винтовка, именовавшаяся также “винтовальной пищалью” или штуцером, отличалась от гладкоствольного оружия наличием винтовой нарезки в канале ствола (отсюда и название). Первая “винтовальная пищаль” была изготовлена в 1615 г. Однако широкого распространения нарезное оружие не получило ни в XVII, ни в XVIII вв.»³⁴ Судя по формулировке, факт был извлечен из какого-то справочного издания. Здесь мы видим вариант крайне емкой и конкретной формулировки: в 1615 г. была изготовлена первая винтовальная пищаль.

На страницах данной работы не представляется возможным дать обзор всему многообразию упоминаний орудия 1615 г. (и упоминаний возникновения нарезной артиллерии в 1615 г., безотносительно музейного предмета) в современной научно-популярной литературе, однако следует указать, что всего было выявлено несколько десятков различных формулировок. Более или менее оптимизированных и более или менее искаженных. Так или иначе, осторожное предположение, сделанное авторами

* Здесь можно привести в качестве примера статью «1615 год в России» сетевой энциклопедии «Википедия». Среди событий 1615 г. указывается «*Отливка первой пушки с винтовой нарезкой ствола*». Читателя отсылают к справочнику: Дайнес В. История России и мирового сообщества, 2004. В этой книге под 1615 г. фигурирует запись «*Русские мастера отлили первую пушку с винтовой нарезкой ствола*». В таком виде этот «факт» продублирован во множестве изданий и сетевых публикаций.

второй половины XIX в., трансформировалось в лишенный деталей и пояснений «исторический факт» и воспроизведение его продолжается до сих пор, несмотря на сомнения, сформулированные в середине XX в.

Следует, однако, отметить и одно исключение. Из общей массы современных публикаций с упоминанием орудия 1615 г. выделяется работа **2016 г.** А.Н. Лобина³⁵. Работа, в целом, посвящена различным аспектам производства артиллерии на Руси в конце XVI — первой половине XVII вв., и орудие 1615 г. упоминается в нем вскользь. Рассказом об этом орудии открывается раздел с заголовком «Голанки — голландские пушки»: «Самые ранние сведения о приобретенных европейских орудиях в период царствования Михаила Федоровича относятся к 1615 г. В XIX в. в Артиллерийском музее хранилась медная казнозарядная нарезная пищаль калибром в 2 фунта. Поверхность орудия была украшена литым орнаментом в виде маскаронов и мифических фигур, а в стволе, запираемом клиновым затвором, имелось “...10 полукруглых нарезок” (далее приводится цитата из текста 1877 г. в той ее части, где фиксируется орнамент, литой герб и надписи. — *Авт.*). Скорее всего, эта необычная пищаль в XVII в. стояла на вооружении Архангельска. В “Двинском росписном списке” можно найти описание этого орудия».

Следует отметить то, что А.Н. Лобин вводит в научный оборот новые данные об орудии 1615 г. — указание на письменный источник XVII в., в котором содержится описание орудия. Однако, следует пояснить — в данном источнике упоминаются два орудия 1615 г. с посвящением царю Михаилу Федоровичу на латинском языке. Одно из них, весом в 21 пуд 15 фунтов находилось в Архангельске, а другое, весом 19 пудов 10 фунтов, состояло на вооружении Холмогор. Учитывая тот факт, что на пищали из собрания ВИМАИВиВС имеется чеканная надпись «19 пудов 10 фунтов», можно предположить, что данное орудие в 1683 г. находилось в Холмогорах.

Описания этих двух орудий в источнике 1683 г. практически идентичны. Приведем выдержку с описанием холмогорского: «Пищаль медная полковая, немецкого литья, в станку на колесах, длиною 2 аршина 2 вершка, весом 19 пуд 10 фунт; а на той пищали, промеж ушей и запалу, вылит Московского государства герб: орел двоеглавой, а над главами коруна, и в том орле воображен человек на коне, копьём колет змия; а пониже

запалу, кругом пищали, вылита подпись по латыне: “Царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси”; а у орла под ногами подпись же: “1615 году”; а по кружалу к той пищали прибрано 200 ядер, по 2 фунта без четверти ядро»³⁶. В качестве небольшого отступления: служилый XVII в., составлявший описание орудия, был куда более сведущ в латыни, чем некоторые авторы более поздних эпох, и перевел латинскую надпись правильно — как официальный титул московского государя, не обозвав «великого князя» «предводителем» или «вождем», а также правильно исправив курьезную оплошность литейщика: не «всех русских», а «всея Руси». В описании не содержится никаких указаний на наличие нарезов и зарядание с казны.

Упоминание А.Н. Лобиным орудия 1615 г. является самостоятельным анализом текста Н.Е. Бранденбурга 1877 г. В отличие от многих авторов, выдержки из работ которых приводились ранее, А.Н. Лобин не повторяет предположения исходного текста, а делает свои выводы, опираясь на собственный багаж знаний об истории русской и зарубежной артиллерии.

С другой стороны, следует отметить, что для А.Н. Лобина истории о древнейшей русской нарезной пищали как бы и не существует. Он не приводит рассуждений Н.Е. Бранденбурга о происхождении орудия, не спорит с ним и последующими авторами, по большому счету даже не приводит своих доводов. Возможно, его выводы основаны на анализе объекта, однако никаких аргументов, обосновывающих гипотезу о европейском происхождении орудия, он не приводит.

Скажем прямо: в 1877 г. скрупулезный профессионал Н.Е. Бранденбург, опираясь на свой багаж знаний, в современной ему системе фактов делает определенные выводы, а спустя 149 лет другой профессионал, со своим багажом и системой ориентиров, делает абсолютно противоположный вывод, опираясь на те же самые данные. И оба они делают этот шаг, не предварив его комплексным и системным анализом предмета (по крайней мере, не представив его общественности).

Подводя итог данному обзору упоминаний орудия 1615 г. в отечественной научной и научно-популярной литературе, следует сформулировать несколько общих тезисов.

Во второй половине XIX в. Ф.Ф. Павленковым и Н.Е. Бранденбургом было исследовано орудие 1615 г., при этом выводы и предположения, которые сделали оба автора, опирались

исключительно на те данные, которые давал непосредственный осмотр предмета, данные письменных источников, и сопоставление с другими предметами не проводилось.

Со временем упоминания об оружии 1615 г. (восходящие к описаниям оружия в XIX в.) потеряли большую часть фактической информации, содержащейся в исходных текстах. Удивительно, но в первую очередь забвению были преданы факты, на которых строилось обоснование отечественного происхождения оружия. А в свою очередь предположения, сделанные исследователями XIX в., со временем трансформировались на страницах научной и научно-популярной литературы в утверждения.

Следующий этап — вытеснение самого факта о наличии оружия из текстов. Ряд упоминаний оперирует производным фактом: в 1615 г. в России появились нарезные оружия, либо первое нарезное оружие, либо впервые создано нарезное оружие. Тот факт, что это утверждение опирается на наличие материального исторического источника, уже не важен. То, что полтора столетия назад было выводом, теперь для многих публицистов является фактом. Примечательно, что тот же процесс редуцирования исходного факта и выход на первый план факта производного можно отметить и в апокрифе о «первой винтовке».

Что касается апокрифических формулировок, здесь предпосылки их возникновения видятся не только в случайных искажениях и ошибках авторов, но и в сокращении количества фактических данных в исходных формулировках. Сложно представить, что современные авторы могли сделать выводы о «первой винтовке», ознакомившись с исходным набором данных об оружии. Возникновение упрощенных формулировок, лишенных конкретики, порождает разночтения и домысливание, что приводит к возникновению новых фактов.

Отдельно следует отметить живучесть «предания», на которое не повлияло то, что оружие было выведено с постоянной экспозиции музея, а также и то, что научным коллективом музея была подвергнута сомнению достоверность извлекавшихся из оружия сведений. Факт о «первом отечественном нарезном оружии 1615 г.» оказался востребованным и нашел свое место в современной литературе.

Что же касается научной разработки темы, она, безусловно, нужна. Оружие 1615 г. — это поистине ребус из мира истории оружия. Большое количество уникальных деталей и особенностей,

порой курьезных, рождает множество вопросов. Для того чтобы хоть в малой степени дать объективную оценку этому удивительному артефакту, необходимо провести комплексное и всестороннее исследование. Нельзя исключать того, что в 50-е гг. такое комплексное исследование было проведено, однако результаты его опубликованы не были.

Первоочередной задачей предстоящего исследования орудия 1615 г. видится выявление и детальная проработка тех материалов, которые были привлечены исследователями в 1950-е гг. и которые, возможно, хранятся ныне в документах делопроизводства музея. Интерес представляют и материалы о самой дискуссии. Не только как источник сведений об орудии, но и как источник по истории Музея артиллерии в середине XX в.

¹ Павленков Ф.Ф. О старых нарезных орудиях // Артиллерийский журнал. 1861 г. № 1. С. 86–112.

² Там же. С. 88.

³ Там же. С. 101.

⁴ Бранденбург Н.Е. Исторический каталог С.-Петербургского артиллерийского музея. Ч. 1. СПб., 1877–1889. С. 166–169.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 168.

⁷ Там же. С. 169.

⁸ Бранденбург Н.Е. 500-летие Российской артиллерии (1389–1889). СПб., 1889. С. 14.

⁹ Столетие Военного министерства. 1802–1902. Т. 6. Ч. 1. Кн. 1: Главное артиллерийское управление: Ист. очерк / Сост. кап. Д.П. Струков; Гл. ред. ген.-лейт. Д.А. Скалон. СПб., 1902. С. 8.

¹⁰ Бранденбург Н.Е. 500-летие Российской артиллерии. С. 14.

¹¹ Столетие Военного министерства. 1802–1902. Т. 6. Ч. 1. С. 8

¹² Нитроглизерин — Патруль // Орудия древней Руси // Военная энциклопедия. СПб., 1914. С. 178.

¹³ Россия на Всемирной выставке в Париже в 1900 г. СПб., 1900. С. 50.

¹⁴ Нитроглизерин — Патруль. С. 182.

¹⁵ Нилус А.А. История материальной части артиллерии. Т. 1. СПб., 1904. С. 179.

¹⁶ Болтин Е.А. Первые русские артиллеристы // Артиллеристы. Сб. статей и рассказов. М., 1939. С. 7.

¹⁷ Павленко Н.Г. Русская артиллерия: Очерки по истории русской артиллерии 1389–1812 гг. М., 1940. С. 11.

¹⁸ Данилевский В.В. Русская техника. Л., 1949. С. 134.

¹⁹ Фальковский Н.И. Москва в истории техники. М., 1950. С. 68.

²⁰ Там же.

²¹ Артиллерийский исторический музей. Краткий путеводитель / Под общ. ред. И.П. Ермошина. Л., 1954. С. 16–17; Артиллерийский исторический

- музей. Краткий путеводитель / Под общ. ред. И.П. Ермошина. Л., 1955. С. 23; Путеводитель по Артиллерийскому историческому музею / под ред. И.П. Ермошина. Л., 1957. С. 27.
- ²² Артиллерийский исторический музей. Краткий путеводитель / Под общ. ред. И.П. Ермошина. Л., 1954. С. 16.
- ²³ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 3Р. Оп. 2. Д. 66.
- ²⁴ Там же. Д. 67.
- ²⁵ История отечественной артиллерии. Т. 1. Кн. 1: Артиллерия русской армии в период возникновения и развития феодализма (IX–XVII вв.) / Отв. ред. маршал артиллерии С.С. Варенцов; Научно-исследовательский артиллерийский институт № 1. М., 1959. С. 299–300.
- ²⁶ Там же. С. 301.
- ²⁷ Вышенков В.П., Маковская Л.К., Сидоренко Е.Г. Каталог материальной части отечественной артиллерии. Л., 1961.
- ²⁸ Военно-исторический музей артиллерии и инженерных войск. Краткий путеводитель / Под ред. А.А. Бумагина. Л., 1964.
- ²⁹ Там же; Военно-исторический музей артиллерии и инженерных войск. Краткий путеводитель / Под ред. А.А. Бумагина. Л., 1966, 1968 (переиздания).
- ³⁰ Ионин С.Н. Русская артиллерия. От Московской Руси до наших дней. М.: Вече, 2006. С. 27.
- ³¹ Бенда В.Н. Предпосылки реформ в области артиллерии и инженерного искусства в начале XVIII в. // Альманах современной науки и образования. 2014. № 8 (86). С. 35.
- ³² См. учебные пособия: Боханов А.Н., Горинов М.М. История России с древнейших времен до конца XVII века. М., 2001; Буганов В.И. Мир истории: Россия в XVII столетии. М., 1989. Эта формулировка без правок воспроизведена многократно в различных пособиях последних десятилетий.
- ³³ Штейнгольд Э.В. Все об охотничьем ружье. М., 1978. С. 8.
- ³⁴ Проект «Реконструкция и музеефикация Белоярской крепости»: Вооружение гарнизона белоярской крепости. [Электронный ресурс]. <http://fond-serdolik.ru/proekt-rekonstrukciya-i-muzeifikaciya-beloyarskoj-kreposti/vooruzhenie-garnizona-beloyarskoj-kreposti/>
- ³⁵ Лобин А.Н. Производство русской артиллерии на Пушечном дворе в 1584–1645 гг. // История военного дела: исследования и источники. 2016. Специальный вып. VI: Русский «бог войны»: исследования и источники по истории отечественной артиллерии. Ч. II. С. 97–157. [Электронный ресурс]. http://www.milhist.info/2016/02/09/lobin_7 > (Дата обращения: 09.02.2016).
- ³⁶ ДАИ. СПб., 1867. Т. X. С. 299–300. № 70.